

Литературный, художественный, общественно-политический журнал.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

Москва, Большая Дмитрова, д. 26.

№ 1.

№ 1.

За отдельному номеру въ Москвѣ
и провинціи 3 коп.

1910 г.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА 2 Р. ВЪ ГОДЪ СЪ
ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ

(Къ предстоящему 50-лѣтію со дня рожденія А. П. Чехова.)

Антонъ Павловичъ Чеховъ былъ всегда моимъ кумиромъ. Всегда. Съ раннихъ поръ. Съ восемнадцатилѣтняго возраста я жадно ловилъ каждую написанную имъ строчку. Каждый новый рассказъ, каждое новое произведеніе покойнаго Антона Павловича, появившееся въ томъ или другомъ органѣ печати, было для меня истиннымъ праздникомъ.

Это было то время, когда покойный являлся сумеречныхъ людей, печатался еще въ „субботникахъ“ „Новаго Времени“, и когда только что стали появляться его рассказы на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“.

Появились: „Огни“, „Степь“, „Именины“, „Жена“.

Рѣдкій портретъ А. П. Чехова.

Кстати, про одинъ изъ этихъ рассказовъ, а именно „Огни“. Появившись въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, онъ никогда потомъ не появлялся въ отдельныхъ сборникахъ А. П. Чехова. Не появился и въ полномъ собраніи, изданномъ А. Ф. Марсомъ. Словомъ, онъ болѣе нигдѣ бы не существовать. А между тѣмъ это жаль. Онъ весь пронизанъ удивительно красивымъ меланхолическимъ настроеніемъ. Онъ изобилуетъ великолѣпными, жизненно-вѣрными „чеховскими“ описаніями природы. Онъ брызжетъ чеховской наблюдательностью и его замѣчательными сравненіями.

Мнѣ до сихъ поръ памятно одно сравненіе въ этомъ рассказѣ. Герой его смотритъ вечеромъ на разбросанные подъ горою огни костровъ и рабочихъ палатокъ, и ему представляется, что вотъ

такъ-же должны были некогда, лѣтъ пять-сотъ, тысячу тому назадъ, свѣтиться огни военного лагеря библейскаго героя и полководца, расположившагося на отдыхъ наканунѣ боя.

Но несмотря на мою страстную, юношески-горячую любовь къ писателю Чехову, мнѣ никогда не удалось обмолвиться съ нимъ живыми устными словомъ.

А между тѣмъ съ начала девяностыхъ годовъ я жилъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ и часто бывалъ. Въдѣ съ Москвой А. П. никогда не порывалъ связи и, какъ извѣстно, любилъ ее больше всѣхъ городовъ въ мірѣ.

Мнѣ было совѣстно беспокоить писателя. „Ну, что я ему скажу?—думать я вѣдь, —скажу, что страстно люблю его рассказы и повѣсти, люблю въ нихъ все: и форму, и языкъ, и мысли, и настроеніе, и его чарующую писательскую личность... Но вѣдь объ этомъ говорить скучно и глупо...“

И я жить, продолжалъ горячо и безмолвно любить А. П. Чехова, но встрѣчи съ нимъ искать не пытался...

Но я все-таки съ покойнымъ Чеховымъ встрѣтился и встрѣтился даже два раза. И хотя оба раза я по-прежнему не обмолвился съ нимъ ни однимъ словомъ, но все же обѣ встрѣчи останутся въ моей памяти на всю жизнь.

И ихъ никогда, никогда не забуду...

Первая встрѣча съ А. П. Чеховымъ была у меня въ Художественномъ театрѣ.

Это было въ годъ постановки его „Бедной дѣвчонки“, „Вишневаго Сада“.

Уже нѣсколько дней любимый писатель былъ предметомъ горячихъ оваций со стороны публики этого театра. Публика десяткомъ разъ вызывала его на сцену, и онъ появлялся передъ ней растерянный, смущенный, но такой дорогой и бесконечно милый.

На первое представленіе „Вишневаго сада“ мнѣ пошлость не удалось. Понялъ я, если не измѣняетъ мнѣ память, на третье или четвертое представленіе.

И вотъ, стоя въ антрактѣ въ одномъ изъ коридоровъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣстницы, я вдругъ увидаю чело-вѣка, идущаго со сцены по наравленію лѣстницы. Кромѣ, какъ на карточкахъ, я до этого Чехова не видалъ никакъ, но я узналъ его сразу.

Помню, что онъ мнѣ показался небольшого роста и страшно худымъ. А на лицѣ Чехова была написана такая безисходная печаль, что мнѣ стало тяжело и больно.

„Неужели это тотъ Чеховъ,—думалъ я, глядя ему въ лицо,—который некогда плѣ-

ять всех искрившимся спинами и, брызгами юмора? Неужели это тот Чехов, который когда-то был жизнерадостным и тошней Чехонте?..»

Стало невыносимо тяжело и грустно.

Антонъ Павловичъ спустился съ лестницы и направился въ контору.

А я долго еще стоялъ и, полный неопредѣлимой печали, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Вѣдь это былъ мой кумиръ, властитель моихъ юношескихъ думъ и чувствъ.

И вотъ въ какомъ видѣ мнѣ пришлось его впервые встрѣтить!

Хотѣлось плакать...

* * *

Второй разъ я встрѣтился съ Чеховымъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уже на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря.

Въ Москвѣ стояли дѣтныя, дурные и дождливые дни, и вотъ въ одинъ изъ такихъ дней, проснувшись однажды на подмосковной дачѣ, я прочелъ телеграмму изъ Ваденвейллера:

„Умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.“

Несмотря на то, что слухи о тяжеломъ, безнадежномъ состояніи Чехова ходили въ послѣднее время весьма настойчиво и несмотря на мое личное тяжелое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ въ коридорѣ художественнаго театра, извѣстіе поразило, какъ громомъ.

Не хотѣлось вѣрить страшной правдѣ; хотѣлось думать, что это ошибка, что Чеховъ еще живъ и можетъ еще поправиться.

Но правда оставалась правдой, страшной, жестокой и безспорно-вѣрной.

Невѣдомый дессертъ Ваденвейллера сталъ вдругъ извѣстнымъ, значительнымъ и страшнымъ.

Спустя нѣсколько дней долженъ былъ же прибыть въ Москву и прахъ писателя, какъ извѣстно, прибылъ весьма аккуратно въ назначенный день въ... вагонѣ для перевозки устрицъ.

Я съ утра забрался на кладбище Новодевичьяго монастыря и здѣсь дожидался прибытія тѣла А. П. Чехова.

И вотъ послѣ долгихъ ожиданій показалась печальная, траурная процессія, провожаемая тысячами людей, и за раду, за зубчатая стѣны древней обители внесли гробъ съ останками дорогого писателя.

Я примостился къ краешку гроба, и вотъ же понесъ его.

Попытъ я не могъ сказать ничего А. П. Чехову, — ничего о томъ, какъ я его любилъ и что его творчество составляло для меня въ жизни.

О. И.—нъ.

